

ПЛЕННИКИ ЛЮБВИ

Содержание

Пусть струятся стихи из души.....	4
Великолепный. Сон о Блоке	5
Мы встретимся снова.....	6
Буря вдохновения и страсти	7
В плену Романа остаюсь. Сон о Мастере и коте.....	8
Размышления перед рассветом. Бессонница.....	9
Дом на берегу моря. Гений.....	10
В плену у чародея	11
Тайна полотна	12
Пенники любви, творцы иллюзий	13
Я знаю, мы были волками.	14
Сага о великолепном Волхве.....	15
Волшебная ночь Сказка начинается.....	16
Мы мирные ведьмы	17
Вещий сон. Волки	18
О, Женщина, Ты грация светлой печали.....	19
Забытый вальс тебе приснится. Женщина.....	20
Светская львица.....	21
Спасет она одна	22
Скифы врываются в мир.....	23
Я знаю, что масло разлито до срока.....	24
Как Медвежонок и ежик листья спасали.....	25
Сказка о влюбленном мышонке.....	26
Снежная роза. Красавица и чудовище	27
Домовой и кот	28
Белый медвежонок. Снежные сказки вьюги.....	29
Грустный леопард	30
Я тебя обожаю	31
Преломление света во тьме.....	32
7 сентября Локомотив уходит в небо	33 -34
Звездное небо страсти	35
Мчатся дивные кони	36
ХРАНИТЕЛИ СНОВ НА ОСТРОВЕ ГРЕЗ.....	37
ОТ ЧАЯНЬЯ ЛЮБВИ ЛЮБЕЙШАЯ ПРОХЛАДА.....	38
На осеннем балу. Я в бокалы с вином добавляю.....	39
ПИРУШКА... НОЧНЫЕ ТАЙНЫ.....	40
Алексей Черепанов 15 января 1989 года - 13 октября 2008.....	41
Одиссей.....	42
Как светла и как печальна. Любаша на Любинском.....	43
И в первый день творенья... Мой Фауст.....	44
В сонате снегопада есть дивная услада. Снежный сон.....	45
Мой любимый принц	46

Годовщина гибели Локо	47
Я волк одиночка. Великолепному Раймо Сумманену	48
Самая длинная ночь	49
Поколение 30-ти летний	50
Зачем я родился белым? Белый волк.....	51
Тихо в городе снов пролетают снежинки.....	52
Нам знать не дано	53
Богиня. Кто убил Пушкина? Мифы 19 века.....	54-57
Звездочет на маскараде вечности. Мифомистика.....	58-62
Последний монолог Мастера. Мифомистика 21 века.....	63-65

Пусть струятся стихи из души

Пусть струятся стихи из души, как вода с небосклона,
И в печали и нежности будет царить наслаждение.
Мы уходим в бескрайность, но смотрим на землю влюблено,
Только светлая даль, только ангелов дивное пение.

Вот такой и запомним ее в этот час расставания,
В этот миг вдохновенья, витает в тиши Берегиня.
Что осталось еще нам, прощенье, а после прощание,
Пусть струятся стихи, мы под музыку грез уходили.

Там в просторе небесном его бесконечность и нега,
И какая-то музыка в тихой и вечной печали.
Эти белые всадники, кони врезались с разбега
В те молочные реки, и нас наши предки встречали.

Нам осталось в тиши дописать те стихи, улыбнуться
И остаться в саду, молодильные яблоки рядом.
Там, в просторе небесном, к нам снова родные вернуться,
И еще потанцуем мы с ними в плену звездопада.

Жизнь – лишь вспышка костра, и когда он в пустыне погаснет,
Не печалься о том, что успела так мало в ту осень.
Пусть струятся стихи из души, не печалься напрасно,
Мы последние листья – посланья им, снова приносим.

Что осталось еще нам? Прощенье, а после прощание.
Пусть струятся стихи, мы под музыку грез уходили.
Вот такой и запомним ее в этот час расставания,
В этот миг вдохновенья, витает в тиши Берегиня

Великолепный. Сон о Блоке

У него глаза такие, что влюбиться каждый должен.
А. Ахматова

Она исчезает, во мраке она растворится,
А он не окликнет. Останутся только стихи.
Лишь маски мелькают в метели, теряются лица.
За ним, как метель, незнакомка напрасно летит.

Смеется старик, в эту бездну его увлекая,
Молчит пианист, и хрипит обреченно рояль,
И только цыганка, из вьюги немой возникая,
Танцует, над бездною, сбросив одежды, он шаль

Протянет ей снова, укутает он, обнимая,
О, жрица немая, с тобой откровенен поэт.
Тебе он поверит, актрисы притворно рыдают,
И громко смеются враги, и прощенья нет .

Игрушка судьбы, чародей запоздалой метели,
Куда он несется, и с кем проведет эту ночь ?
В пылу маскарада, куда его тройки летели,
И черная роза покорно лежала у ног.

Страшна его власть, а стихи его странно прекрасны,
И Демон безумный впервые парит в небесах.
Молчит Пианист, все мольбы и усмешки напрасны.
Коснуться щеки, утонуть в этих синих глазах.

И после не жить, а писать и случайно встречаться,
И память хранить о растаявшей где-то вдали,
Отчаянной встрече, им было обещано счастье,
Безумное счастье, но им не дожить до любви.

Мы встретимся снова

Мы встретимся снова, пускай проплываю столетья,
И в жизни иной я узнаю тебя и приму.
И снова в объятьях твоих я проснусь на рассвете,
Средь тысячи лиц я увижу тебя и пойму..

Условности мира, его миражи, расстоянья -
Пустая забава, мы все одолеем вдвоем.
Сияние радуги после дождя и признание,
На мокрых ладонях мы ежика в лес отнесем.

Ты помнишь, как он оказался на нашей дороге.
Испуганный зверь о пощаде устало просил.
И кот зашипел в тишине - и гроза на пороге.
Он бегал по дому, о, как он тебя рассмешил.

Все врезалось в память: и гром, и испуганный ежик,
И наше свиданье совпало с внезапной грозой.
Но мир был прекрасен: и тихо закончился дождик,
Вдруг радуги чудо. И так мы стояли с тобой.

В сиянии сказки летело усталое время,
Оно равнодушно взирало на счастье и боль.
Внезапно приходит любовь, если даже не верю,
Высокий мужчина мне послан судьбой и грозой.

И только любовь нам подарит покой и бессмертье,
А страсть отшумит и утихнет как эта гроза.
Мы встретимся снова, пускай пролетают столетья,
И в вечности, милый, мы будем встречаться всегда

Буря вдохновения и страсти

Памяти Николая Гумилева

Как Летучий Голландец, душа уносилась во тьму.
И шутили матросы о чем-то, и долго смеялись.
Был суров капитан, и приблизился Дьявол к нему.
И забытые сны в этой бездне суровой остались.

Море дико ревет и бросает нас снова в туман,
И далекие скалы я вижу яснее и ближе.
-Мы погибнуть должны? Улыбается мне капитан:
- Невозможно погибнуть. И взор его снова я вижу.

Но о чем он опять? Мне узнать это странно теперь,
Только дикие волны куда-то уносятся с хрипом,
Альбатрос покачивается, какой-то невиданный зверь
Посейдоном подарен нам, снова я слышу и вижу

Как шальная гроза все тревожит усталую ночь.
И в тумане они проступают, и ждут в суматохе,
А Летучий Голландец уносится яростно прочь.
Океан проглотил этот миф и немой и жестокий.

Только снова в тумане все ищут обратно пути
Капитаны, которым назад никогда не вернуться.
И душа моя снова в те бури и стоны летит.
И приблизился Один, Аттила из тьмы улыбнулся.

Снова Дикой охотой закончился яростный сон,
Волны - черные псы в темноте небывалой ревели.
Гулко падали в бездну герои минувших времен,
Звезды сыпались вниз, и от страха матросы хмелели.

В плену Романа остаюсь. Сон о Мастере и коте.

И тайные знаки проступят на звездном плаще,
И снова из мрака вернется король звездочет.
И сходится все, мы о черном твердили коте,
И пятница темная, знаю, сегодня грядет.
И будет зачат в эту полночь глухую Пилат -
Отважный и грустный воитель невиданных стран.
И мечутся тени у тех опустевших палат.
И мир изнывает от горечи, боли и ран.

И тайные знаки явили нам страсти и тьму,
В которой заблудится снова с утра Люцифер.
Но только богиня вернется однажды к нему,
И слышится им эта музыка дивная сфер.
Хранителя света не стоит равнять с Сатаной.
Все это нелепая блажь, и красивая ложь.
И где-то в тумане беседует долго со мной
Угрюмый Афраний, и в сердце Иудино нож

Вонзила какая-то тень, и в преддверье конца,
В печали и неге таинственный Мастер замрет.
Там тайные знаки, а он не откроет лица.
Когда к Патриаршим отправится Воланд и кот.
Кот будет шутить и сжигать за собою мосты.
И черная пятница - душно и нечем дышать.
Им надо решить еще, где королеву найти.
Кого умертвить, а кого только просто прогнать.

Старинное зеркало в комнате вдруг отразит
И звездный тот плащи, и печали немую стихию.
И только художник, забыв, в этой сфере парит,
И только в руинах взирает в то небо Россия.
Да, сходится все, мы о черном твердили коте,
И пятница темная, знаю, сегодня грядет.
И тайные знаки проступят на звездном плаще,
И снова из мрака вернется король звездочет.

Размышления перед рассветом. Бессонница.

В печали бытия есть странная примета:
Сближение на миг, разлука на века.
И мутный свет во мгле, и бденье до рассвета,
Когда уже беседа наивна и легка.
И больше страсти ад не виснет в полумраке,
Когда обиды свет, не может не терзать,
В такие вот часы написаны все драмы.
Но мы, не веря им, врываемся опять.

В какие-то стихи влетаемся наивно,
Какие-то грехи готовы повторить.
И в предрассветный час смиряются все ливни,
И стрекоза над розой отчаянно кружит.
Она не понимает, откуда это снова:
Такое чудо света, такая благодать.
И в этот миг, во мгле так значимо и слово,
И жест, но только мне так хочется молчать.

И вот тогда вдали я снова профиль вижу,
И согнута спина, и музыка во мгле.
О, пианист ночной, та музыка все ближе,
И только откровенья бытуют на земле.
И этот свет в тиши, откуда он - не ясно,
Но в пустоте ночной могу уже понять,
Что ты со мной всегда, что эта жизнь прекрасна
И близится рассвет, и мрак уйдет опять.

А ведь казалось нам, что мы еще в начале,
Какие-то стихи, штрихи иных стихий,
Над пропастью времен они опять звучали,
И бабочка кружилась над пламенем свечи.
И мутный свет во мгле, и бденье до рассвета,
Когда уже беседа наивна и легка.
В печали бытия есть странная примета:
Сближение на миг, разлука на века.

ДОМ НА БЕРЕГУ МОРЯ. ГЕНИЙ

В доме не было окон, а двери так плотно закрыты,
Что какие-то птицы разбились, просясь на постой.
Никого не впускал в этот мир, о, чудак деловитый
А меня вдруг окликнул с порога так странно: -Постой.
И ему подчинилась, сама я себе подивилась.
Ведь никто в этом мире не смог бы меня укротить.
И морская волна возле ног обреченно забилась.
И меня он позвал, чтобы чаем в саду угостить.

А потом он роман свой читал и в порыве экстаза
То взлетал к облакам, то валился на землю, шутя.
Что там было - не помню. Тонули и слово и фраза
В этой водной пучине. Кто был он? Старик и дитя.
Впрочем, это со всеми мужчинами однажды случится,
И затворники снова врезаются горестно в мир.
И закат там алел, и кружилась растерянно птица,
И какая-то тень все витала спокойно над ним.

Что там было еще? Ничего из того, что смущало
И тревожило нервы усталых и желтых писак.
Только птица вдали, обреченно и дико кричала.
Он смотрел в эту даль, и я видела, как он устал.
Дар общения нам как богатство и слава дается.
Мы бежим от него и в писании скрыться вольны.
Только призрак прекрасный над гением снова смеется,
- Кто она? - я спросила, - душа убиенной жены.

- Как могли вы? - Я мог, -повторил он, как горное эхо,
И расплакался вдруг, как ребенок, почуяв беду,
И я к морю бежала, и помнила снова про это.
Ночь прекрасной была, но я знала к нему не приду.
И сидел он один, и в саду, где усталые птицы,
Все взирали угрюмо, хранили покой свысока,
Будет долго потом, мне старик этот призрачный сниться
И свечу погасила прекрасная в кольцах рука.

- Навести его, детка, - она, наклонившись, сказала,-
- Я сама умерла, он невинен, он просто Старик
И погасши давно, та звезда мне во мраке мигала,
И забылся опять он в романах прекрасных своих.

В ПЛЕНУ У ЧАРОДЕЯ

Любимейшему Д. Фаулзу «Волхв»

Лихо построен сюжет, и страстей не унять,
Хочется знать, что в финале готовит нам он.
И ощущаю прозренья опять и опять.
Странная песня любви позабытых времен.

Странная дева во тьме - проступают черты.
Узнана всеми, но тайну до срока хранит
Дивный художник - в экстазе судьбы и мечты.
Нас он тревожит, и в пропасть сознания манит.

Как безрассудно шагну в эту бездну с моста,
И не задумаюсь даже о той высоте.
Странная дева, чужая, иная, не та.
Снова мелькает, подобна летящей звезде.

Что в ней найду я, и что мне еще передать,
В дикую бурю все выше поднимется птица,
И упадет, но научится дерзко летать.
Скажут потом, что она не боялась разбиться.

Впрочем, какое ей дело, что скажут потом,
На маскараде веселом меняются лица.
Вот ты с поэтом танцуешь, а это с шутком,
Надо подняться над бездной, и можно разбиться.

Жизнь безрассудна, и даже жестока порой,
Только стремимся к финалу, и снова гадаем,
С кем он останется, этот беспечный герой,
Кто его бросит, кому он улыбку подарит.

Что нам до них, только знаю, что мне не заснуть,
Вот и дошла я легко до последней страницы.
Вот и сумела в ту бездну опять заглянуть.
Вот и окончен роман, отчего мне не спится?

ТАЙНА ПОЛОТНА

Неповторимому Стасу Плутенко

Клоуны, дамы, поэты, грань бытия и иллюзий,
Странно знакомы сюжеты: маски, события и люди.
Где-то на сцене и в гриме снова мечта воплотится,
И растворяются в дыме странно печальные лица.

Что это - сумрак обмана или реальности бред.
И на страницах романа вновь оживает сюжет,
И никакая иная сила не сможет помочь.
Шут до конца доиграет, и не закончится ночь.

Хочется вырваться снова, только иллюзии манят,
Дивный художник удержит, дерзко пленит и обманет.
И обмануться желая, где-то в пространстве окна,
Плакала, жизнь вспоминая, там куртизанка одна,

Словно богиня прекрасна, как Магдалина грешна,
И над судьбою не властна, видела свет полотна,
Там, где пространство и время дивный художник творил.
И замираю, не веря в этот таинственный мир.

Вновь уводила дорога, и не могла я остаться,
Там, где реальность убога, снова полотна приснятся,
Горечь и боль позабыта и освещает луна.
Женского тела изгибы, тайну того полотна.

Пленники любви, творцы иллюзий

Пленники любви, творцы иллюзий,
Грешники, живущие в раю.
Словно тени, остальные люди.
Я люблю, и значит я парю.
Над простором, листьями увитым,
И листьями со стихами сжатым,
Пленники трагедий и открытий,
Мы любимы, значит, мы крылаты.

Знаю состояние полета,
Торжество над серостью угрюмой,
Помню: нам за дерзость воздается,
Только ты летай, люби, не думай.
Пусть они с земли на нас взирают,
С раздраженьем, яростью, усмешкой,
Ведь они, мой ангел, не узнают.
Отойдут от пропасти замешкают.

А любовь рванет в такие дали,
Что уже вовек не дотянуться,
Вот и ходит женщина печальная,
Кто же ей поможет улыбнуться?
Пленники любви, творцы фантазий,
Дерзкие дизайнеры мечты,
Мы в полете, с нами им не сладить,
Нет, мы не боимся высоты.

А когда и сил уже не хватит,
И печаль окажется сильней,
Кто-то в небесах меня подхватит,
И удержит, и шепнет: - Не смей.
И тогда на эту пропасть глядя,
И не видя тех, кто на земле,
Вырвавшись из пустоты и ада,
Ты прильнешь отчаянно ко мне.

Два крыла - прекрасно, но четыре-
Это то, о чем они мечтали.
Как же мы влюбленные парили
В небесах, и устали не знали.
Словно тени – остальные люди.
Я люблю, и значит я парю.
Пленники любви, творцы иллюзий,
Грешники, живущие в раю.

Сага о волках

Я знаю, мы были волками когда-то,
И так не хотели людьми становиться.
И вот при луне за былое расплата-
Нам вольница волчья в полночи снится
И снова зовет меня серая стая.
Туда, в тишину заповедного леса,
Где Леший нас снова на дело сзывает.
Мы видим, мы слышим, мы знаем про это.

На темной поляне луна серебрится.
И дивные ели нависли над нами.
И странно кричат нам незримые птицы,
Которые к нам прилетят, и в тумане
Какие-то призраки будут метаться,
И песню затянет свою Берегиня.
Мы были волками, и в бешеном танце
При блеске луны мы собрались и ныне.

Какие-то тайны нам снова знакомы.
Какие - то песни похожи на вой.
Мы вольные волки, нет дела до дома,
И Леший ведет нас во мрак за собой.
И ведьмы летят, и незримые птицы
Во тьме нам расскажут о том, что бывало.
И в лунную ночь вдруг такое приснится:
Нагая русалка во мгле танцевала.

САГА О ВЕЛИКОЛЕПНОМ ВОЛХВЕ

Песня о Волхве

И в мире, где мрака уже разогнать не удастся,
И черные тени, как коршуны, всюду снуют,
Вдруг песня Бояна над этой землею раздастся.
И гусли его о красавцах волхвах запоют.

Казненные снова по князьему люту Указу
Из пепла восстанут для битвы, и в бой поведут.
И преданный дважды, вернулся, не дрогнул ни разу.
Силен и прекрасен, и вечно сказанья живут.

О том, как сражались за землю и яростно жили,
О том, как в тумане ночном у костра пировали,
Но черные вороны снова над нами кружили,
И яркие звезды во мгле без остатка сгорали.

А после из пепла восстанут прекрасные птицы,
Над Русью кружиться они не устанут во мгле.
И легкая тень - в этот час она вновь воплотится,
И пряха грустит и свой взор обращает к земле.

Завяжется узел, и снова во мгле снегопада.
Он в лес заповедный уходит, идет не спеша.
Умрет и воскреснет, и Русь ему - боль и награда,
И в пламени вечном его закалилась душа.

И предки взирают на блудных детей из тумана.
Когда же очнемся и суть свою снова пойдем.
Но наши волхвы, нас спасают опять от дурмана,
И смотрим на небо, и древние песни поем.

И в мире, где мрака уже разогнать не удастся,
И черные тени, как коршуны, всюду снуют.
Вдруг песня Баяна над этой землею раздастся.
И гусли его о красавцах волхвах запоют.

Волшебная ночь. Сказка начинается

Волк снова к жилищу пришел в этот час роковой.

И слышали духи в снегах этот яростный вой.

- Но кто там не спит?- усмехнулась устало Яга,-

Иди-ка,пусти его, там и мороз и пурга.

- А нечего шастать, - ей кот отвечает во тьме.

- Открой ему двери, пришел он, я знаю, ко мне.

И кот навалился на дверь, и открылась с трудом.

И волк, разгребая завалы, протиснулся в дом.

- Чего тебе, серый, я вижу, что снова не спится.

- Заснешь тут, пожалуй, там Ний полоумный ярится.

Чертей разбросал, и Кощея на цепь посадил,

Пришел, чтобы сказать, что бороться не хватит вам сил.

Весны не наступит, он снова собрал чародеек.

И снова колдует, на что-то еще он надеется.

- А пусть похлопочет, и что нам его кутерьма.

- Весна не наступит, и вечною будет зима.

- Да, это случится, но только не нынче, мой друг,

И странные лица сквозь стужу являлись им вдруг.

-Да кто это снова?- взмолился рассерженный кот.

Князя просыпаются, время для них настает.

Там снова колдует старуха в тиши у огня.

И лес заповедный, все вечные тайные храня,

В немом оцепенье сраженья великого ждал.

Но волк растворился, и холод всю землю сковал.

И нет никого, только волка следы на снегу.

А кот и старуха все слушают эту пургу.

И тени героев бесшумно уносятся прочь.

И длится, и длится волшебная зимняя ночь.

Мы мирные ведьмы

Мы вольные ведьмы, нам власти не надо,
Берите ее вы опять.
Но только потом, под дождем камнепада
Не хнычьте, не смейте роптать.
Мы вольные ведьмы. Врагов мы прощаем,
Но помним все их имена.
И то, что вернемся, мы вам обещаем.
Мы были во все времена.
И будем сегодня в те лучные ночи.
В глуши дураков обращать
В мышей и лягушек, мы мирные очень,
Но мы не умеем прощать.
И прежде чем вы нас учить захотите,
Отмерьте семь раз, и тогда
Ругайте, склоняйте, и снова учите.
И страх потеряв, господя
Нам снова покажут, где раки зимуют,
И сами окажутся там.
Мы вольные ведьмы, пока мы шутикуем,
Но можем серьезно и к вам
Явится в тумане, средь ночь метельной,
И Аннушка масло прольет.
Мы мирные ведьмы, но мы прилетели
К обидчикам, кто нас убьет?
И словом и делом ответим достойно.
Пощады не стоит просить.
Мы мирные ведьмы, но будьте спокойны.
Мы сможем вам всем отомстить.
И снова приснится в глуши Маргарита,
И сбудется дивный тот сон.
И воет, как волк. наш Латунский побитый.
А Мастер опять отомщен.
Мы мирные ведьмы, чего ж вы хотели,
К штыку прировнявши перо.
Молчите, конечно, ведь мы прилетели
Всем бурям и бедам назло.
Мы поле засеяли, зубы драконов
Уже прорастают в глуши.
Мы мирные ведьмы, мы девы влюбленные,
Но в ласках порой задушить
Не долго, не знали, так будьте спокойны,
Не трогайте спящего пса.
Летит Маргарита, ответит достойно.
Мы можем творить чудеса...

ВЕЩИЙ СОН. ВОЛКИ

Этой ночью мне снились волки, растревоженные луной.
Этот путь был в пустыне долгим,

только призрак мечты со мной.

В этой полночи маг усталый не смыкал до рассвета глаз,
И русалка во мгле плясала, и я слышала древний сказ,

О таких прекрасных и юных девах в полночи, в тишине.
Этой ночью мне снились волки, и стремились они к луне,
И в глазах их таких печальных, было много силы лихой.
И давно завладевший тайной, чародей потерял покой.

Эти сказки и эти мифы расскажи нам в глухой тиши.
Снова где-то кружили птицы, и любви отдавшись в глуши,
Нас не слышали те, другие, лес все тайны от глаз укрыв,
Только волки устало выли, и душа, лишенная сил,

Оставалась такой печальной и такой далекой была,
И бессильная боль, и тайна, и уже лишенный тепла,
Он метался, он знал, что скоро та стрела или острый нож
Прекратит с этой жизнью споры, от судьбы своей не уйдешь.

И в просторе, залитом светом, и в печали немых затей
Только волки воют об этом. И молчит во тьме чародей.
Это сказка не будет долгой, устремится во тьму душа,
Этой ночью мне снились волки, и лежала я, не дыша.

И куда-то спокойно даже, Берегиня во мглу плыла.
И потом она мне расскажет, как любила и как жила,
К миру дивному прикасаясь, и теряясь в его глуши,
Понимаю, что мы остались и без сказки, и без души...

Но однажды она вернется, в этом блеске ленивых лун,
И очнется, и рассмеется чародей, он красив и юн.
Белый волк вдруг шагнет навстречу, снова скажет:

- Я пригожусь.

Снова вспыхнут звезды, как свечи, и вернется, очнувшись, Русь.

О, Женщина, Ты грация светлой печали

В унынье, раздумьях и неге они остаются в тени.
О, время, замершее в беге, в их милые лица взгляни,
Открой эти вечные тайны и дивные сны изучи.
Быть может, и были случайно они у тебя на пути.

О, женщины, как вы прекрасны и как безнадежно грустны,
Над миром в отчаянье властны и в счастье бессильны, и сны,
И грезы у вас, как поэмы, юны и прекрасны тела.
И если мужи вдохновенны, то значит к ним Муза пришла.

И пусть суетятся мужчины, им чудо такое дано.
Быть вечно виновной, невинной, и пить дорогое вино.
И снова некстати являться, не слыша мольбы - уходить,
И снова задорно смеяться, и плакать, и радостно жить.

И в танце парить, и участия не ждать, покоряя миры.
Мы слишком бывали несчастны в азарте безумной игры.
Но как без нее обходиться, когда все уныло и немо.
И Лада опять воплотится, и страшно нависшее небо.

Готово грозой разразиться, когда ты смеешься задорно,
О женщина, как бы забыться в объятьях, но ставши покорной,
Ты снова свободе и неге, готова бессильно отдаться,
И летом мечтая о снеге, зимою жарой наслаждаться

Готова, и все тебе мало, любви и тепла, и уюта...
И вновь Маргарита взлетала, и снова весталки смеются.
И жрица в том танце экстаза скрывать не хотела в начале,
Что в каждом движенье и фразе лишь грация светлой печали.

Забывтый вальс тебе приснится. Женщина

Сначала звучала симфония страсти.
И пламя в душе до утра трепетало,
Потом вы остались у вальса во власти,
Сам Штраус играл вам немного устало.
И все наблюдал он, как пары кружились,
И падали странные тени на лица.
Кому-то твердил он: »И эти влюбились».
Но сколько тот вальс легкокрылый продлится.

И легкое танго внезапно сменило,
Хотелось стереть ироничность улыбки.
Она обнажалась, пылала, шутила.
А он уносился по почве по зыбкой.
И странно любовь исказилась до срока.
И дико взирали там светские львицы.
И все-таки жизнь и судьба так жестока.
Как трудно кружиться, как просто разбиться.

И странная тихая горечь романса -
Ты все до него докричаться хотела.
И только наивно просила: -Останься.
А он позабыл твое гибкое тело.
Такое забыть невозможно, я знаю.
И где-то она обреченно кружится
С другими, чужие ее обнимают,
И видит печальные, дикие лица.

И рухнет однажды на землю устало.
И в ливне осеннем она зарыдает.
И кто-то ей скажет: - А как танцевала!
И мальчик далекий ее не узнает.
И только в глазах золотая прохлада.
И что нам поделать - там тихая осень.
Симфония грусти, пора листопада,
Забывтого вальса усталая проседь.

Светская львица.

Памяти Зинаиды Гипшиус.

Женщина, безумная гордячка,
Мне понятен каждый ваш намек.
А.Блок

И снова в плену маскарада терялась во мгле.
Поэта ждала, а явился безжалостный критик.
Молчит усмехаясь. И тени бредут по земле.
- Вы слишком бледны. - Я бедна, ну чего вы молчите?

Не верит, чудак, а какое мне дело до тех,
Кто счет лишь деньгам все ведет и не знает пощады.
Я слишком бедная, и уже не пленяет успех.
О счастье мечтала, да где оно тихое счастье.

И там маскарад, и меня они ждали давно.
Капризны и немые юнцы, а глядят деловито.
И этот старик, от успеха и славы хмельной,
- Да полно, профессор, все это давно позабыто,

И ваши труды, и наряды мои, это прах,
И можно в порыве страстей нынче нам обнажиться.
Все стерпят, напишут. И пусть я не ведала страх,
И дико кричат, не молчат, и мы сможем забыться.

Мелькают девицы, и тают в тумане опять.
И каменный лев, все взирает на мир величаво.
- О, полно, профессор, ее ли мне нынче не знать,
Но как же ничтожна ученость, и дивная слава.

Пора мне, простите, идите спокойно к жене,
Она вас любила, и может быть в миг расставанья
Заплачет о теле погибшем, душа не в цене.
Да полно скулить об ушедшем, не будет свиданья.

Надеясь на завтра? Пустое, давно я мертва,
А чувства иные меня не волнуют, и снова
Печальная музыка, и вдохновенны слова.
И буря в бокале вина, не дано нам иного.

А жизнь маскарад, и не сдернуть мне маску с лица.
Лицо - это маска, и странная боль не проходит.
Вот так и кружились устало в преддверье конца.
А что остается? Лишь призраки в полночи бродят..

Спасет она одна

Звериный вой иль это вопль мужчины,
Не разобрать в кромешной темноте,
Но почему она его покинула,
Оставшись только тенью на холсте?

Художник он конечно не из лучших,
Но ведь любовник был бы хоть куда.
А женщина смеется – солнца лучик,
Или во мгле сгоревшая звезда.

Она его любила, это ясно,
Но сон о капитане бросил в ночь.
На берегу ждала его напрасно
Лихой стихии преданная дочь.

Был мертвый капитан еще красивей,
Чем тот мальчишка на заре страстей.
Куда его все бури уносили.
Пропал тогда, и не было вестей.

Она жила, она ждала напрасно,
Сам Дьявол бросил в бездну суеты,
И вот теперь спокойно и безгласно
Голландца своего встречаешь ты.

Он знает - только дева, воскрешая,
Вернет его на землю в этот час.
И он пришел, и буря там большая,
И он зовет, и проступает в нас

И боль, и нежность, хриплый голос рядом,
И встрепенулась, и за ним пошла,
Прекрасна, грациозна, как наяда,
Как нимфа и легка, и весела.

Там воет зверь, о буре возвещающая,
Хохочет дева, пригубив вина.
И капитан глядит в глаза и знает:
Все в мире вздор, спасет она одна.

Скифы врываются в мир

Скифы врываются в мир моих снов запоздало.
Под предводителем дикая лошадь заржала,
И уносились куда-то в пучину сомнений,
И не искали любви, тишины, вдохновенья.

Странная встреча, почти на границе разлуки,
Скифы летели, мелькали их руки и луки.
Стройные девы в плену и любви, и печали
Наши сомненья и наши тревоги встречали.

Что это? Сон. Не пора ли уже просыпаться,
В голосе звон, в этом ливне чего нам бояться?
Смотрит мой брат, и просят в полночи мимо
Снова скитальцы у стен покоренного Рима.

Пали империи, их даже боги боятся.
Вот ведь не верили, но не могли удержаться.
Так и в сомнении, и в тишине небывалой,
Кони и воины, где это с нами бывало.

В жизни какой, у какой и звезды и утехи,
Гордые скифы, мелькнули во сне и померкли,
Снова князя у огня, и в сиянии лунном,
Вижу тебя, ты такой и красивый, и юный.

Падали звезды, им больше огня не хватало,
Луны и грозы веселая полночь встречала,
Только в тумане, в плену тишины и покоя,
Дивные кони выходят опять к водопою.

Я знаю, что масло разлито до срока

Я знаю, что масло разлито до срока.
И где-то беда стережет нас устало.
Король-звездочет с темным ликом пророка,
Он ждет ее снова, и там, где начало
С финалом сойдется за миг до рассвета
Уносится Мастер куда-то во мраке,
И лишь Маргарита - ночная комета,
Готова и к балу, и к смерти, и к драме.

Все это зачем? Чтоб роман, догорая,
Опять возродился для нас в этом веке,
Я знаю, что дерзко они умирая,
Рождались, и яркие звезды не меркли.
И только казалось, что там проиграли.
Триумф поражения их окрыляет.
И снова судьба все летит по спирали
К истоку, к прозрению нас возвращает.

И пусть не снимает очки в полумраке
Тот темный, не хочется больше скитаться.
И пусть в этой странной и яростной драме
Нас кот рассмешит и позволит остаться
Собою, ведь мы не хотели с тобою
Метаться, как тени, в порывах стихии,
Мы жили надеждой, мы жили любовью,
Но лунные блики его осветили.

И снова страдает там сын Звездочета,
Достигший и неба и бездны внезапно.
И в этом экстазе мечты и полета
За глыбою мрака летим мы с азартом.
К покою? Да нет, не хочу обмануться.
И там, за чертой бытия и сознанья
Нам в лес заповедный придется вернуться,
Забыв и потери и наши страданья.

Но снова та тайна хранителя Света
Укрыта во мраке и где-то сияет.
И лишь Маргарита - ночная комета,
Их всех от неверья и бездны спасает

Как Медвежонок и ежик листья спасали

Листья летят, как птицы, чтоб за теплом угнаться,
Только ветер их снова швыряет куда-то в грязь.
Листья летят, как птицы, где-то в тиши резвятся,
И в листопаде лунном русалки танцуют вальс.

-Видишь, как все красиво, - твердит в тиши медвежонок,
Осень – такое чудо, хочется только спать.
Ежик с пенька в тумане смотрел опять на влюбленных,
Листья ловил он в лапки, разглядывал их опять.

Сказочный лес вдруг ярко солнце на миг осветит,
Только без листьев клены голые так грустны.
- Но ничего не сделать, ветер, играет ветер,
Мы с листопадом, мишка, смириться с тобой должны, -

Ежик вздохнул устало, и погрустнел немного,
Что это там за чудо, дюжина листьев вдруг.
- Я их пришил к деревьям, чтобы ветер не трогал.
И ничего не сделает, пусть они поживут.

Только Стрибог резвится, осенью этой снова,
То налетает дерзко, то отойдет тайком,
Листья опять на ветках, грозный зол и взволнован,
Кто это с ним играет, кому это все нипочем?

В полночи затаился, молча на клен взирает,
Ежик и медвежонок, снова там при луне
Листья пришили к веткам, умаялись, отдыхают,
песенки распевают в полночи, в тишине.

Что с ними делать было, молча махнув рукою,
Грозный властитель ветра мечется и молчит.
Ежик и медвежонок за листья теперь спокойны,
Да и у клена нынче вовсе не голый вид...

-Видишь, как все красиво, - твердит в тиши медвежонок,
Осень – такое чудо, хочется только спать.
- Славно мы потрудись, - ежик твердит спросонок.
Листья им машут с веток, осень в лесу, благодать.

Сказка о влюбленном мышонке

Мышонок Тарас в эту темную ночь заблудился,
Мышонок Тарас вдруг в летучую мышку влюбился.
Он сильно страдал, и решил навестить ее ночью,
А тьма проглотила мышонка Тараса, не хочет
Мышонок сдаваться, несется за нею он снова.
Он камнем в траву полетел, и последнее слово:
- Люблю тебя, мышка Иришка, -взглянув удивленно,
Услышал лишь кот, удивился: - Мышонок влюбленный..

Кот голоден был, и охотился он за мышами,
Да мыши все спали, они разминулись с котами.
И только Тарас, в своей страсти невинной сторя,
В когтях у кота позабыв обо всем, умирает.
Смирился Тарас и просить о пощаде не смеет,
Но что тут поделать, и смотрит в глаза, веселее:
- Позволь мне с летучею мышкой, котяра, проститься
- Конечно, позволю,- и надо же было влюбиться,-

Ворчал старый кот, в животе его что-то урчало.
- Вернешься назад? – Я вернусь, но прощусь с ней сначала.
И кот отпустил удивленно мышонка Тараса,
Под дубом уселся, чего ему было стараться?
- Придет, не придет, уморит ли кота наш мышонок, -
Крикливые птицы все спорили где-то спросонок.
Мышонок вернулся, лишь с мышкой летучей простился,
- Какой же ты глупый, - кричали веселые птицы.

- Но слово я дал, не сдержать его мог ли, не знаю.
А птицы летали, и кот разозлился в начале,
А после остыл, аппетит у кота исчезает.
- Иди-ка ты, серый, - наш кот в пустоте восклицает,-
- Ты тощий и странный, и есть мне тебя неохота.
Еще зарожусь, захочу я летать отчего-то.

А только влюбиться еще мне в кого не хватало,-
Ворчал старый кот, на луну все взирал он устало.
Резвился мышонок, и звезды во мраке сверкали.
Влюбляйтесь, любите, тогда и коты отдыхают.
А если от скуки рыдать и скулить вы начнете,
То в лапы кота непременно тогда попадете.

СНЕЖНАЯ РОЗА. КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Она цвела упорно до мороза,
Страх потеряв, чего еще бояться?
Прекрасная, изысканная роза
Морозу продолжала улыбаться.

Когда Кащей пронесся над полями,
От древней дикой лютости зверя,
Над белыми, холодными снегами
Вдруг роза заалела, для Кащея.

Сначала он виденью не поверил,
Умерил пыл, спустился к ней поближе,
И боль, и ярость вдруг в душе Кащея
Обнажена: - Люблю и ненавижу...

Коснулись пальцы скрюченные розы,
Глаза его бесцветные слезились,
И тихо побелела от мороза,
И лепестки от холода скрутились.

- Вот так весь мир, - хрипел Кащей устало,-
Меня завидев, умирал внезапно.
Но роза и жила и трепетала
В каком -то сне и пламенном азарте.

Чудовище становится добрее,
И схлынули ужасные морозы,
Когда в тумане, где поля белеют,
Вдруг поступает пламенная роза.

Зачем она опять пылать готова?
Чтоб усмирить жестокого Кащея?
Но он дохнет, и заморозит снова.
И все-таки она в снегах алеет.

И мечется опять в бескрайнем поле
Старик усталый, ветер обгоняя.
Что стало с ним? Тоска, найти он хочет
Цветок прекрасный, пусть тот засияет.

Прекрасная, изысканная роза
Кащею продолжала улыбаться.
Она цвела спокойно и в морозы,
Она умела с холодом сражаться...

В занесенной снегами избе

В занесенной снегами избе

Домовой пробудился от сна.
И в сугробах, представьте себе,
спит, как белая кошка, весна.
Растянулась и в пасмурной мгле
видит странные дивные сны
Домовой пробудился в избе,
и гадает, когда им весны
Ожидать, не стихает пурга,
лишь огонь так устало трещит.
И к жилищу подходит Яга,
белый волк там завыл от обид.
Разбудили беднягу и вот
Ничего ни еды, ни жилья.
Сладко спит в тихом сумраке кот.
В вязи сказок тонула земля..
Духи снова вернулись в наш мир.
Их повсюду видны очертанья.
И реальность исчезнет на миг,
и проснутся былые преданья

Кот Баюн убаюкал метель,
но устал и прилег отдохнуть.
Тихо скрипнула старая дверь-
и мой дедушка снова вернулся.
Там у Банника черти дрались,
и Кикимора песню тянула.
Все они у огня собрались:
тени, души, и вьюга заснула.
И в тиши эти сказки опять
я гусиным пером записала,
Чтобы новую книгу начать,
там, где вьюга весь мир обнимала.
В занесенной снегами избе,
в полумраке реальность отступит.
Белый кот, в каждой новой судьбе
дух славянства однажды проступит.
И тогда в тишине у огня
Леший снова дымит самосадам,
И метель все ворчит на меня,
укрывая весь мир. Снегопадом
Мы любимся, ночь так тиха.
И для счастья не много нам надо:
За строкою ложится строка,
и надежда живет и отрада.

БЕЛЫЙ МЕДВЕЖОНОК. СНЕЖНЫЕ СКАЗКИ ВЬЮГИ

Расскажи мне о том, как бушуют метели, и вьюги
Пишут снежные сказки на белой безбрежности поля.
Пусть огонь полыхает в камне, а в снежной округе
Белый мишка гуляет на этом бескрайнем просторе.

Он заметен едва, он в снегу утопает и злится,
Что добраться не может до нас и ввалится в наш дом.
Пусть усталый мужчина, пытаясь к медведю пробиться,
Позовет меня снова, в снегу мы утонем вдвоем.

Доберется до нас медвежонок, укрытый метелью.
Будет снова играть и рычать, и валяться в снегу.
И встречая рассвет, нам о чем-то веселом запели
Берегини несбывшихся грез, я заснуть не могу.

Сон метельный опять то ли прошлое миру являет,
То ли мне о грядущем какие-то знаки пришлет,
Только белый медведь и мужчина меня оставляют
Ненадолго, я знаю, и кто-то в мой дом заглянет.

И в бескрайнем просторе симфония дивной метели,
Нам реальность скучна, и нам хочется сказку понять,
Лишь погаснет огонь, бродят снежные белые звери.
И врываются в мир, чтобы в душах метели унять.

Пусть огонь полыхает в камне, а в снежной округе
Белый мишка гуляет на этом бескрайнем просторе.
Расскажи мне о том, как бушуют метели, и вьюги
Пишут снежные сказки на белой безбрежности поля.

ГРУСТНЫЙ ЛЕОПАРД

О чем задумался, мой юный леопард?
Тебе приснился берег и пустыня,
А ты в лесу, здесь осень, листопад,
И ежик с медвежонком здесь грустили.
Ты здесь чужой, но что же делать нам?
Чужой среди чужих, как это страшно.
И только лист порхает по волнам
Лесного озера, а где-то там, у башни

Опять царевна Василиса ждет.
Тебя купец привез дитю в подарок,
А ты сбежал, и только дождь идет,
Ты у костра погреешься, пожалуй.
Обсохнешь, снова станет веселей,
И девочки рука тебя ласкает.
Я знаю, очень грустно без зверей,
Но что же делать, раз судьба такая.

О это одиночество в глуши,
Мой леопард, тебе нужны просторы,
Но ждет она, ты лучше поспеши.
И помирись с ней и привыкнешь скоро.
А в листопаде скрыться так легко,
Остаться в одиночестве так просто.
Но стоит ли, пусть дружба – плен оков,
Она ребенок, ты почти что взрослый.

И вот шагнул, пусть листья зашуршат,
Она тебя увидела и рада,
И ежик веселится, малышам
Быть одинокими в лесу не надо.
Ты во дворце красивый сильный зверь,
Служанки верещат, тебя завидя,
Ты не один, с царевной ты теперь,
Ее никто вовеки не обидит.

И будет только сниться дивный мир,
И звери поспешат к тебе навстречу.
Ты не грусти, что ты расстался с ним,
Везде есть небо, всюду звезды светят.
А ты в лесу, здесь осень, листопад,
И ежик с медвежонком здесь грустили.
О чем задумался, мой юный леопард?
Тебе приснился берег моря синий.

Я тебя обожаю

(СМС-ка от Сережки)

Я в этот мир вхожу, как в океан,
И окрыленная, парю в метели.
За что мужчина этот дивный дан?
Мы просто быть счастливыми хотели.
В плену у грез рождаются стихи.
Они легки, как первые снежинки,
И пленники любви ее штрихи
Привыкли принимать как поединки,

А льдинки тают в этот страстный час,
Подарят снова душам наслаждение,
И там, где сны метельные у нас,
Останется восторг и высь паренья.
Я шла к закату, в пришла в рассвет,
Не веря, что случается такое.
Среди потерь и всех моих побед
Столкнул меня он в тишине с тобою.

Я не достойна этого, и вдруг,
В последний миг, когда сгорала осень,
Та нежность сильных, очень добрых рук,
Она меня в тот океан забросит.
Я выплыву, в объятиях твоих,
Вновь утону и напишу поэму,
Как встретились в метели, в этот миг
Она была светла и вдохновенна.

И что там было, только страсти всплеск
И нежности веселая отрада.
Сережка, среди всех моих побед,
И поражений, ты моя награда,
За то, что было все у нас не так,
За то, что я в метели растеряла.
И вдруг звонок, последний шанс и знак
Финал – о, это светлое начало.

За что мужчина этот дивный дан?
Мы просто быть счастливыми хотели.
Я в этот мир вхожу, как в океан,
И окрыленная парю в метели.

Преломление света во тьме

Преломление света во тьме,
Преломление страсти в любви.
Тихо падают звезды на снег
И незримые тают вдали.
Преломление в душах добра,
Там , где зло не сумеет пробиться,
Преломление, понять нам пора,
Как строка эта в небо ложится,

И врубается в море опять,
Отражаясь, себя отражая,
Как легко уплывая, взлетать
И узнать эту высь, но не зная,
Как остаться в суровом пути
Не бесплотной отчаянной тенью,
Помоги мне по углям пройти
И осилить мое преломленье.

Я опять в этот час не смогу,
Удержаться на грани разрыва,
Преломленье в душе сберегу,
И порадуюсь – все еще живы.
И на грани немного стиха,
И в полете внезапно очнуться,
И держаться, держаться, пока
В этой точке лучи не сольются.

И остаться собою вдали
От любимых и близких иллюзий,
Преломленье мечты и любви.
Это строки, и тени, и люди...
Тихо падают звезды на снег
И незримые тают вдали.
Преломление света во тьме
Преломление страсти в любви.

7 СЕНТЯБРЯ ЛОКОМОТИВ УХОДИТ В НЕБО

Журавли улетают к планете из снов золотистых,
И тревожно кричат – им не хочется с нами прощаться.
Словно листья с деревьев, летят наши белые птицы,
И парят над землею, и трудно им с нами расстаться.

Побеждает Амур, снова ястребы яростно бьются,
Отступает Барыс, или барсы в тумане таятся -
Все обычно у нас, только там журавли не сдаются,
И несутся куда-то, и вновь к стадиону стремятся.

Да и как нам без них, оглянешься, и снова играют,
Чемпионы сердец наши снова грустят и ликуют.
И малыш загрустил: - Посмотри, журавли улетают,
Сорок дней, сорок бед, нет, не знали мы осень такую.

Притяжение земли умножается шумом Арены,
И Челябинск, и Омск, и Хабаровск напрасно их ждали,
В этом небе бескрайнем сегодня они вдохновенны.
А земля пребывает в тумане, и дикой печали...

И от слез наших тяжесть для душ их едва одолима,
Снова Барсы и Ястребы будут отчаянно драться.
Журавли улетают, в тревоге проносятся мимо,
Город снов и иллюзий встречает их вечное братство..

Не коснется их старость, и травмы уже не терзают,
Их могучие крылья уносят куда-то в просторы,
Как тревожно кричат журавли и от нас улетают,
И замрут стадионы, и очнутся от шока не скоро.

Словно листья с деревьев, летят наши белые птицы,
И парят над землею, и трудно им с нами расстаться.
Журавли улетают к планете из снов золотистых,
И тревожно кричат – как не хочется с ними прощаться

2.

Там летят журавли, покидают родные просторы,
Снова милые тени уносятся с ними куда-то.
Пусть беснуется осень, весна к нам вернется не скоро,
Но как быть нам без вас, возвращайтесь скорее, ребята.

Эти гордые птицы все выше стремятся и выше,
А Бескрайнее небо для них и милее и ближе,
Только крик журавлиный сквозь шум листопада я слышу,
Снова вижу их лица, улыбки беспечные вижу.

И Летят журавли, покидают нас всех на закате.
Плачет серое небо, и души в просторы их рвутся,
Это нам оставаться в морозы, пусть силы нам хватит
И Прожить эту зиму, и верить – весной вернуться.

Их отчаянье, веру и верность отметили боги.
Пусть Хранит их Деметра, с улыбкою вдаль провожая,
Пусть летят журавли, это осень стоит на пороге,
Это гордые птицы куда-то от нас улетают.

Пусть беснуется осень, весна к нам вернется не скоро,
Но как быть нам без вас, возвращайтесь скорее, ребята.
Пусть летят журавли, покидают родные просторы
Снова милые тени уносятся с ними куда-то.

Звездное небо страсти

Ночь укрывала звездным покрывалом
Тела влюбленных в этот дивный час.
Потом она ждала и колдовала,
Когда заря зальет сияньем нас.

И было в мире так светло и ярко,
Как эта ночь июльская мила.
И только сон, то радостный, то жаркий
Он окрылил и души и тела.

Летать во сне, какое это благо,
И в той тиши не узнанной опять,
Готова я отдать тебе часть клада,
Когда русалка будет танцевать.

Ночь – это свет звезды давно погасшей,
Он где-то в тихом доме ждет нас вновь.
И только тот огонь о ночи страстной
Напомнит, и вернется к нам любовь.

Она придет, однажды постучится,
И распахнет все окна и сердца.
А что там милый? Там душа, как птица,
А птица и легко и хороша.

И знаю я, что счастье точно будет,
Что нам той дивной ночи не забыть..
И лишь русалки пыл легко разбудят
И будут с нами вместе там кружить..

Ты спрашивал, откуда эта вольность
И эта воля в душах в час зари.
А это ночь, когда нас была двое,
Все колдовала, небо озарив.

Огонь блестел. Сходили чьи-то тени
И где-то там, у самого лица
Узнали мы и радость и забвенье,
И стало легче жить нам и дышать.

МЧАТСЯ ДИВНЫЕ КОНИ

Мчатся дивные кони, тихо тают в тумане,
Возвращается страсть, и любовь меня манит.
Нас опять окружают дивных викингов песни,
Это старые мифы в поднебесье воскресли.

И князья удалые будут к нам благосклонны,
И проносятся кони, и глядят удивленно
Там волхвы молодые, нет пленительней магов,
И еще остается, и любовь и отвага.

- Что ты снова за саги, нам бы надо про чувства,
Но опять побеждает любовь и искусство.
И прекрасные девы во мраке встречают.
И родные напевы снова нас окружают.

Кто там – свет этот дивный? Там красавица Лада,
Где-то в шелесте ливня и любовь, и отрада,
Это Русь дорогая в дивном свете и звоне,
И несутся куда-то наши легкие кони.

Мы встречаем их снова в тишине на рассвете,
Мир прекрасный и новый нежно солнце осветит.
Это гордая ведьма там с русалкой воркует,
Все растаяло где-то, только Русь торжествует.

Никаким басурманам ты уже не подвластна,
И не взяли обманом, пусть старались напрасно.
Там волхвы молодые, нет пленительней магов,
Нам еще остается, и любовь и отвага.

И прекрасные девы нас во мраке встречают,
И родные напевы снова нас окружают.
Возвращается страсть, и любовь тебя манит,
Мчатся дивные кони, тихо тают в тумане....

ХРАНИТЕЛИ СНОВ НА ОСТРОВЕ ГРЕЗ.

МАРГАРИТА МАСТЕРУ

А знаешь, мой милый, построим мы дом из камней,
Меж морем и небом усталые души ютятся.
И пусть в этом мире не будет жестоких людей,
Лишь добрые звери и духи вокруг суетятся.

На что нам все грозы и грезы на острове снов.
Есть дом и дорога, она уводила куда-то.
И рукопись снова читать ты и править готов,
И вдруг прилетает к нам дерзкий посланник крылатый.

Не Ангел - Гермес, его Зевс отправляет сюда,
Подарки и грезы нам шлет в тишине Афродита,
Так жизнь коротка, в этом доме с тобой навсегда
Останемся рядом, пусть будет отрава забыта.

И только Дриады чаруют наш мир при луне,
И песня русалки тебя не пугает, ласкает.
А если зайвится Пан одинокий во тьме,
Мы с ним вечера, сюжеты опять обсуждаем.

Смотри, медвежонок и ежик сидят на пеньке,
И листья пришили, и больше деревья не голы.
А знаешь, мой милый, от шумных людей вдалеке
Построим свой мир, этот чудный, таинственный город.

Мы старые мифы припомним, и снова в тиши
Мы дивные сказки отправим им – наши посланья.
Таинственный остров – там рай для усталой души,
Нет, нет, не покой, созерцанье, любовь, пониманье...

И пусть в этом мире не будет жестоких людей,
Лишь добрые звери и духи вокруг суетятся.
А знаешь, мой милый, построим мы дом из камней,
Меж морем и небом, какие там сны нам приснятся.

ОТ ЧАЯНЬЯ ЛЮБВИ ЛЮБЕЙШАЯ ПРОХЛАДА

От чаянья любви любейшая прохлада
В душе усталой вспыхнула в тот час,
И мы танцуем вальс в сиянье звездопада,
Когда лучи любви насквозь пронзили нас.

Радение о том ушедшем в даль мужчине,
И женщины влюбленной веселые глаза.
И пусть теперь мечта нас больше не покинет
От чаянья любви случилась там гроза.

Мираж старинных слов тревожит в миг заката,
И кажется, что вновь воскресли мы с тобой,
От чаянья судьбы, я знаю виновата,
Но нас пусть озарит последняя любовь.

В сиянье волшбы так ярко звезды светят,
И голосов тот плеск, и волн ночная песнь.
От чаянья мечты нас тени ближних встретят,
Врата судьбы открыты, и нам туда успеть.

Пусть чары чародей свои нам дарит снова,
Пусть гусли в тишине напомнят о былом,
И вдруг я понимаю всю силу снов и слова,
И как могла недавно мечтать я об ином.

Пусть дивный звездный вальс в сиянье звездопада
Запомнится навек, а лучше на века,
Еще нам остается надежда и отрада,
Орать и до рассвета, оражай мой, пока.

За горизонтом снов мне явятся иные,
Воскресшие от рабства, желавшие любить.
И снова Русь проснется, ты слышишь, мы живые,
Себя и мир прекрасный смогли мы воскресить.

И мы танцуем вальс в сиянье звездопада,
Когда лучи любви насквозь пронзили нас.
От чаянья любви любейшая прохлада
В душе усталой вспыхнула в тот час.

На осеннем балу

Я в бокалы с вином добавляю осеннюю нежность
Золотистого света летящей куда-то мечты,
И улыбку печали, и страсти внезапной безбрежность.
Проступает на лицах влюбленных восторг немоты.

Листопада задор окрыляет мелодией души,
И иная реальность становится ближе на миг.
Я спою тебе снова, а ты улыбнись и послушай
Эту тихую песню, писала ее для двоих.

Наша чудная осень украла тоску и печали,
Эта полночь светла от улыбки веселой твоей.
Я в бокалы с вином добавляю любовь и печали,
Лунный свет, тишину, золотую безбрежность полей.

- Все проходит,- твердят, и исчезнет веселая осень.
Но не сможем забыть и в метели то золото грез,
Ловим листья на счастье и в комнату снова приносим
Песню сонного ветра, ворчанье стихающих гроз.

И улыбка печали, и страсти внезапной безбрежность-
Проступает на лицах влюбленных восторг немоты,
Я в бокалы с вином добавляю осеннюю нежность
Золотистого света летящей куда-то мечты.

ПИРУШКА... НОЧНЫЕ ТАЙНЫ.

И свет огня мелькнет в пенсне Фагота.
Ю Визбор

Нас трое в заброшенном доме осталось,
И ночь нависала, как плащ чародея,
И где-то звезда в полумраке металась,
И пламя в печи загорелось яснее.

О чем говорили, не помню, не знаю,
Мы в сказочный мир открывали дорогу,
И там, в зазеркалье старуха седая
Смотрела на эту пирушку нестрога.

А рыжий шутил, но о чем, непонятно,
Он зеркала суть нам хотел передать,
Но мрак был зловещим, и звезды, как пятна,
На черном плаще проступали опять.

И словно бы время имело значенье,
И слово казалось, чарует внезапно.
И только у зеркала больше прозренья -
Ответа не ждем, я нема и азартна.

Огонь синеватый, его откровенья,
Мое пониманье, романа начало.
Но что это снова? Мираж и прозренья.
Нас трое в заброшенном доме, звучала

Минорная, знаю, «Баллада» Шопена,
Да только закончили пир мы в мажоре,
Рассвет, он врывается в жизнь постепенно,
На радость на нашу, кому – то на горе.

И белая стая, небесная стража,
Нам свет возвращает легко, беззаботно.
Дожили, допели, и что еще надо?
Огонь отразится в пенсне у Фагота...

Среди снов и стихий снова ангел парил и смеялся,
Снова солнечный мальчик вернулся в истерзанный мир.
Он красиво играл, он уже ничего не боялся,
И архангелы молча склонились во мраке пред ним.

И в стихии огня он казался прекрасной кометой,
Чаровавший, хранивший, и нам помогавший творить.
- Что случилось? Скажите? И ты мне расскажешь про это.
Словно солнечный зайчик, и там он сумел покорить.

И суровые судьи устало смотрели на небо.
Он в стихии и буре хранителем станет опять.
Он ли в том виноват, что хотели мы зрелищ и хлеба,
И среди облаков он в хоккее продолжает играть.

Стадион замирает, ему освещая дорогу.
И взлетает все выше, и где-то в тумане парит.
Среди снов и стихий, он любимец сурово Бога,
Звездный мальчик, ушедший из мира страстей до зари.

Нам еще оставаться, и жить с этой тяжкою болью.
Нам бороться устало, и с чем-то мириться шутя.
Только солнечный мальчик, он будет все время с тобою.
Мы его не забудем, и снова резвится дитя.

Он останется принцем, он будет нам сниться порою,
Те прекрасные сны снова счастье и мир принесут.
И орленок блеснет опереньем над алой зарею.
Там, где птицы поют, там, где дивные розы цветут.

Он красиво играл, он тогда ничего не боялся,
И архангелы молча склонились во мраке пред ним.
Среди снов и стихий, снова ангел парил и смеялся.
Снова солнечный мальчик вернулся в истерзанный мир.

ОДИССЕЙ

И пусть тебе Троянский конь приснится,
И рухнувший на землю царь Приам,
Но Одиссей с богами будет биться,
И что ему до жалости к царям.
Цари простят его, строптивы боги,
И где-то там, на острове химер,
Цирцея будет горестной и строгой
Когда команду превратит в свиней.

Она ему готова покориться.
Но Одиссей все видит за чертой
Родной Итаки берег, эти лица,
- Хочу домой, мой Зевс, хочу домой.
Но страшен гнев седого Посейдона,
Он не простит ни дерзости, ни лжи.
- Иди туда, и тут как будто дома.
И вдруг отброшен, разве это жизнь?

Что остается, к милости Аида
Взывать во тьме, он старше и сильней.
Но снова снится боль и панихида.
- Кто там пришел? – Как будто Одиссей.
- Впустить его... И Цербера оскалом
Отмечен будет каждый час во тьме,
И только где-то на прибрежных скалах
Замрет Гермес, и будет как во сне

Он гнать Сирен, с химерами бороться,
С волшебницами спорить до зари.
А что еще герою остается?
Итаки свет, и песня о любви.
И взрослый сын в печали бродит где-то,
И Пенелопы скорбные глаза.
Страдает он в преддверии рассвета,
А снится конь троянский и гроза.

Вот так и сидит, опаленная солнцем апрельским,
А дождик прольется, и зонт не успеет раскрыть.
Моя незнакомка, ты дивный цветок эдельвейса,
В просторе незримом тебе Вдохновенье хранить.

А Любинский шумный проносятся мимо куда-то
Веселые стайки студентов и гости, и тени.
Забыв все балы, и едва ли припомнив утраты,
Ты в век двадцать первый вживаешься так постепенно.

Отложена книга, в ней все уже было когда-то,
Былая интрига не трогает этих парней,
Ты так одинока, печальна и все же крылата.
И в тихую полночь, в мерцании ярких огней,

Поднимешься вдруг, но останется зонтик и книга,
И в эти просторы отправишься снова парить.
Моя Незнакомка, в стихии у дивного мига
И «Лунной сонаты», в мой город окно отворить

Еще суждено тебе там, где пространство и время
Сойдутся на миг в эту полночь у всех на виду,
И замер художник – пустая скамейка, не верит,
Что стало с Красавицей, снова узнала беду?

Да нет, не исчезла, к рассвету, не бойся, вернется,
Присядет на миг, а останется здесь на года.
Замрет от печали, и только апрельское солнце,
Ее ослепит, как прекрасна и как молода,

Да только печальна, но ветер уносит печали,
И надо б узнать, чем закончился этот роман.
А мир просыпается, птицы во мгле закричали.
И смотрит она удивленно – все сон и обман.

И в первый день творенья... Мой Фауст

Усталые звезды искрились, и море хрипело,
Не в хоре церковном, но все-таки девушка пела.
И облачных тройка коней уносила к закату,
Ласкали нас волны и вдаль убегали куда-то.

Двенадцать героев на берег морской выходили,
Хранили тот остров, и сказки и песни любили
Послушать во мгле, не утихнуть уже звездопаду
И чуду творенья мы были с тобою так рады.

Останутся снова поэмы и песни, и страсти,
Поэты в забвенье, и Слово в неведомой власти.
Останутся в мире лишь первые звуки творенья,
Усталые звезды коснулось внезапно забвенья.

И все, что до нас сотворили – оно ускользало,
И волны хрипели, и мудрость смывали безжалостно,
И новые свитки напрасно спасти мы пытались,
И там, в тишине обнаженные снова остались.

Вот так и живем , и теряем какие-то книги,
Лишь моря простор остается и страсти вериги,
А все остальное придумаем завтра мы сами,
И новые звезды опять засияют над нами.

И Фауст усталый , он бесу сегодня не верит,
Он мир этот чудный аршином своим только мерит,
И море , и небо над нами такая стихия,
И посмотрим мы немо на шири и дали иные.

И облачных тройка коней уносила к закату,
Ласкали нас волны и вдаль убегали куда-то.
Усталые звезды искрились, и море хрипело,
Не в хоре церковном, но все-таки девушка пела.

В СОНАТЕ СНЕГОПАДА ЕСТЬ ДИВНАЯ УСЛАДА. СНЕЖНЫЙ СОН

В сонате снегопада есть дивная услада
От чаянья любви, надежды, красоты.....
Мы снова будем вместе, для нас звучит соната,
И Снежной королеве вдруг улыбнулся ты.

От части счастья нам досталось слишком много,
За это благодарны мелодии небес,
А помнишь, как вела в тот снежный лес дорога,
И вот уже танцуем мы в волости чудес.

Метелица вдали волчицей завывала,
На краешке зимы, в безмерности снегов,
И тихо-тихо вьюга в метели угасала,
В сонате снегопада росла моя любовь.

Кристаллики страстей, мечты горящей пламя,
Костер – и тает снег и в поле, и в душе,
В сонате снегопада сам Велес вместе с нами,
И Снежной королевой ты восхищен уже.

Впервые позабыла я страстного Ярилу,
А за метелью робко звучит Боянов гимн,
И в гомоне снежинок какой была счастливой,
И таяла от страсти, мы к небесам летим...

В безбрежности снегов моря заledenели,
Но души разбудила та музыка небес.
И торжествует свет, и он разлит в метели,
Как белое виной разбуженных надежд.

Мы снова будем вместе, для нас звучит соната,
И Снежной королеве вдруг улыбнулся ты.
В сонате снегопада есть дивная услада
От чаянья любви, надежды, красоты.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРИНЦ

Я влюблена, он клевый, он прекрасен,
Он так далек, как айсберг и мираж,
Мой рыжий принц, в стране дождей он праздник,
И жаль, что Гарри так далек от нас.
И в чопорной Британии, как лучик,
Вдруг солнца промелькнувшего на миг,
Ну разве есть прикольной принц и лучше,
В нем позитив и весь подлунный мир

Сошлись опять, беснуются писаки.
Девицы истерят и счастья ждут.
И эпатаж его – экстаз атаки
На наши души, и унынью тут
Нет места больше, к нам явился Гарри,
Чтоб всколыхнуть и класс свой показать,
Мой рыжий принц, о, он опять в ударе,
И мир сошел с ума, ни дать ни взять.

И хмурится устало королева,
То пьян и смел, то снова обнажен,
Ну что случилось, что еще наделал,
Куда вступил без разрешенья он?
Мир странно пресен без его улыбки,
Как небо, где уже не будет звезд,
Все косяки, и все его ошибки
Лишь Англия не примет, но поймет.

Душа опять летит звезде навстречу,
И в этом пресном мире он один,
Такой забавный, и еще не вечер.
И только с ним мы скуку победим.
Мой рыжий принц, в стране дождей он праздник.
И жаль, что Гарри так далек от нас.
Я влюблена, он клевый, он прекрасен,
Он так далек, как айсберг и мираж.

ГОДОВЩИНА ГИБЕЛИ ЛОКО

Над телами погибших кружили во мгле журавли,
И пытались рвануть в высоту, но не в силах оставить,
Все кричали они о надежде, удаче, любви,
И могли ли смириться, что все мы живем против правил?
Вой сирен заглушил крик отчаянья в небе немом,
И усталые люди куда-то тела увозили,
И рванулись во тьму журавли, нам напомнив о том,
Что команда погибла, и черную весть уносили.

Содрогнулся весь мир, только лес золотился вдали,
Этой осени скорбной мы все никогда не забудем,
И кричали во тьме, улетая на юг журавли,
Все опять повторится, но этой команды не будет.
- Возвращайтесь назад. Что еще им сказать мы могли?
Эта осень пройдет, жизнь залечит страшные раны,
Только вновь в сентябре тихо скрипка о них запоеет,
О погибшей команде, покинувшей землю так рано.

Золотятся леса, и куда-то летят журавли,
И на крыльях упрямо и души погибших уносят.
Увядает природа, они нам кричат о любви,
И о том, что наступит и эта внезапная осень.
Покружат над лесами, над озером тихо замрут,
В Ярославле сегодня другая команда, и снова,
Журавли о погибших, о ставших легендой, поют,
И никто не забудет : сентябрь, катастрофа 7-го

ВЕЛИКОЛЕПНОМУ РАЙМО СУММАНЕНУ

Я волк одиночка, не стать мне послушным щенком,
У ног твоих снова замру и растаю вдали.
Но кто-то еще приручить все пытался волков,
И кто-то хотел подарить эту прелесть любви.

Я волк одиночка в просторе безбрежном степей,
Холодная влага мне лапы омоет и снова,
Я буду метаться и выть на луну – я ничей,
Меня не пугает каприз и не ранит вдруг слово.

Едва повстречав тебя, я попрощаюсь опять.
И буду в тревоге, и буду в пути я, и знаю -
Не быть на цепи, нет, мне Велеса снова встречать,
И в схватку идти, эти вольные дни вспоминая.

А где-то в тумане растаяли верные псы,
Князья и девицы их снова зовут за собою.
Погладят, прогонят, свободу швырнув на весы,
Я волк, а не пес, в этой схватке не сдамся без боя.

Но если однажды мне стать суждено на пути,
Тогда берегись и молись, о, красавица злая.
Легко загрызу, пока когти и даже клыки
Мне служат исправно, я жалости больше не знаю.

Пусть пес заскулит, лишь заслышит мой вой вдалеке,
Пусть воин оружие снова в тумане хватает.
Я волен и зол, не вести меня на поводке.
Что гнев или ласка, я знаю, любовь убивает.

Но кто-то еще приручить все пытался волков,
И кто-то хотел подарить эту прелесть любви.
Я волк одиночка, не стать мне послушным щенком,
У ног твоих снова замру и растаю вдали.

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ

Холод душу сковал ледяной пеленой,
Хрипло кот закричал:- Что же будет со мной?
Домовой заскулил, словно яростный пес.
Все морозы с собой этот гость им принес.
Ворон каркал всю ночь, нагнетая беду,
И по снегу к нам души умерших бредут,
И плетется куда-то в тумане Змея,
И не слышится свиста во тьме Соловья.

И сидел в тишине Позвизд злой у огня,
И ругался с Ягой, люту долю кляня...
А Яга вдруг запела о мире другом,
И металась метель, было снежно кругом.
К ним пробрался из леса теней Соловей,
Говорил наш повеса о доле своей.
Мол разбойничать больше бедняге невмочь,
Надвигалась на мир новогодняя ночь...

Тьма готова всю землю навеки сковать.
Только стала Метелица вдруг колдовать,
И кружиться в тиши, засмотрелся Старик,
И седую главою устало поник.
- Что-то худо мне нынче, - он нам говорил,
Домовой вдруг проснулся, как волк там завыл,
А Метелица пляшет, смеется во мгле,
Бродят тени по скованной вьюгой земле...

И в объятия злого спешит старика,
- Что ты грустен и сед, потанцуем пока,
Пусть огонь разгорится, пусть кот запоет,
Ведь без песен его лето к нам не придет...
Встрепенулся, и шубу откинул он прочь,
И продлится еще та метельная ночь.
Снег летит в небеса, ведьма пряжу придет,
Нас спасут чудеса, к нам придет Новый год.

И из чаши навстречу выходит медведь:
-Кто посмел там плясать, кто осмелился петь.
Волк-буран за Кащеем усталым спешит,
Тихо тонет в сугробах, и в пропасть летит.
Эта ночь так волшебна и так хороша,
За метелицей снова несется душа.
До рассвета лишь миг, новый день, тишина,
О, волшебная ночь так метельна она...

ПОКОЛОЕНИ 30 ЛЕТНИХ

Они не любили друг друга, не занимались любовью,
Они добывали секс из каких-то случайных тел.
И в душах, измотанных ветром, наркотиками и злословьем,
Хрипела ночная стужа, и кто-то унылый пел.
Бестрепетный, вечно пьяный, он в дом твой опять ввалился,
И ждал твоих откровений, а может уже не ждал,
Читал в тишине свои вирши, и уверял, что влюбился,
А сам собой любовался в темном провале зеркал.

Он музыку со стешками дарил этим странным девам,
Мелькавшим то на экране, то в клубах ночных страстей,
К утру вспоминал о доме без радости и без гнева,
Он нес свои вирши и слезы по Невскому в бред ночей.
Его не согрешь душу, была ты в плену тумана,
Жила и ждала, не веря, что он вернется опять.
Разбитый, несчастный, темный, и все же еще желанный,
Стихи читать, задыхаясь, и секс с тобой добывать.

А где-то в плену экрана щебечут Иван и Вера*
И хмыкнет во мгле Толстая**, пытаюсь ее понять,
А что остается в мире? Рифмованный бред, химеры,
Связи – и их беспорядок, но надо секс добывать.
Да, в ужасе откровений другие пришли герои.
И бродят немые тени в извечном своем аду,
Ко мне послали поэта, но двери я не открою.
Забывшая о свиданье, к их гению не пойду.

И пусть они там резвятся в угаре ночного клуба,
То рэп бормоча в экстазе, то падая от тоски,
Души измочаленной ропот, случайно припали друг к другу...
Ты их принимай такими, не вякай, а лучше молчи.
Их Невский загнал в подвалы, шумят и спешат туристы,
Ночные забыв химеры, мы в мир шагнули другой,
И только в гостинице старой, мне этот Лысик*** приснится,
О сексе уже не грезя, пришел добывать любовь.

И в душах, измотанных ветром, наркотиками и злословьем,
Хрипела ночная стужа, и кто-то унылый пел.
Они не любили друг друга, не занимались любовью,
Они добывали секс из каких-то случайных тел.

*Вечерний Ургант и Вера Полозкова

** Школа злословия Татьяна Толстая и Вера Полозкова

***Термин Константина Уткина

Зачем я родился белым? Белый волк

- Мама, зачем я родился белым?
 - Такое порою случается, милый.
 - Как же случилось? Все волки серы.
- И как мне поладить со стаей и с миром?
- Не все приживаются, ангел мой, в стае,
А белые, знаешь ли, одиноки.
 - Прости меня, мама, я мир оставил,
Такой привычный, такой жестокий.

Не жди, домой не смогу вернуться.
А гостем дома быть не желаю.
- Но на чужбине не остаются.
- Да почему же, там выживают.
- Да, выживают, а жить когда же?
Душа металась в глуши Урала.
И Домовой тебя ждал, вот скажет:
Когда же твой парень придет, бывало.

Тогда ночами ему ты снился,
Теперь тебя мы едва б узнали,
Ты возмужал, ты так изменился,
И ждать возвращения мы устали....
Но где-то там, за чертой, однажды
Столкнемся снова в тумане белом.
Мой мальчик, нам ты тогда расскажешь,
Где был, как жил там, и что ты делал.

Ну, а пока в пелене тумана
Мне снится снова белый волчонок.
Он тихо спросит:- Скажи мне, мама,
Зачем родился я в мире черном?
И белым облаком за горами
Он вдаль стремится и тает где-то.
Нет места белым им в серой стае,
Пусть не коснутся его там беды....

Пусть будет мир к нему ласков снова,
Ведь надо где-то прижиться белым.
Он помнит мир, не забыл он Слово,
И пусть его обойдут все беды.
И белой птицей душа над снегом
Несется к дому на миг единый.
- Скажи, зачем я родился белым?
- Ну что ж поделать, о, мой родимый...

ТИХО В ГОРОДЕ СНОВ ПРОЛЕТАЮТ СНЕЖИНКИ

Тихо в городе снов пролетают снежинки, как птицы,
На ладони садятся, и снова уносятся в ночь.
Почему в том пространстве, мне снова легко воплотиться,
Белый облачный кот вдруг покорно ложится у ног.

В этой бури страстей проступают какие-то лица,
И печальные знаки, как звезды, чуть ближе на миг,
Тихо в городе снов пролетают снежинки, как птицы,
И шуршат, словно тени, там листья прочитанных книг...

Мы иллюзии тешим, реальность легко отвергая,
И в печали и радости снова уходим, шутя,
Там легко и просторно, и в бездну стихов увлекая,
С нами ангелы шутят, снежинки навстречу летят.

И давно позабыв этих улиц и храмов громады,
Мы воздушны во сне, и ничто там реальности бред.
Тают души от счастья, и больше страдать нам не надо.
В тихом городе снов нас окутает ласково свет...

Мы живем, мы парим, и срываем ненужные маски,
Этой музыки плен вдохновляет на новый полет.
Снежный облачный кот шепчет новые дивные сказки,
Подарив вдохновенье, печали он дерзко крадет.

Почему в том пространстве, мне снова легко воплотиться,
Белый облачный кот вдруг покорно ложится у ног.
Тихо в городе снов пролетают снежинки, как птицы,
На ладони садятся, и снова уносятся в ночь.

Нам знать не дано

Нам знать не дано, как стихи прилетают оттуда,
Из дивных миров, что навеки укрыты от глаз.
И мечутся где-то, и ждут вдохновенья и чуда,
Чтоб нас чаровать, прорасти неизменно и в нас.

Нам знать не дано, почему они нас выбирают.
В мелодии дивной вдруг вязь прорывается слов,
Понятных едва ли рассудку, живут и пылают.
И видим опять очертания тех островов,

Летучий Голландец несется за Дикой охотой,
Куда-то в просторы незримые, но с высоты,
Веселые музы дают ощущение полета.
И снова живем ощущая восторг красоты.

И дивные сны в них вплетаются в час откровенья,
И снова порхают над миром, и ищут нас снова.
Нам знать не дано приближения этих мгновений,
Вот шел и смеялся, и вдруг отрешен и взволнован.

Твой спутник куда-то уходит, а ты остаешься,
И берег родной в миг заката опять пред тобой.
Какая там вольность, и тихо плывущее солнце
Сравняется скоро с прозрачной и легкой водой.

И в миг, когда где-то закат обнимает природу,
И дивные тени то сходятся, то разошлись.
Она с тобой рядом, какому-то богу в угоду
Диктует поэму, бросая то в воду, то ввысь.

Но что происходит, все это полет и паденье,
Там времени нет, и пространство уже без границ.
Стрекозы, цветы, и какие-то лица и тени.
Ты к звездам летишь или падешь яростно вниз.

И вдруг в тишине саксофон или скрипка не знаю.
То слышится скрипка, и друг зазвучал саксофон,
И строки стихов, их едва записать успеваю.
И люди отступят, и тени, и блики времен.
И мечутся где-то, и ждут вдохновенья и чуда,
Чтоб нас чаровать, прорасти неизменно и в нас,
Нам знать не дано, как стихи прилетают оттуда,
Из дивных миров, что навеки укрыты от глаз.

Богиня. Кто убил Пушкина? Мифы 19 века
ИДАЛИЯ, ИДИЛЛИЯ, БОГИНЯ. ГИБЕЛЬ ПОЭТА

Идалия — один из эпитетов Афродиты

Мы любим слушать иногда страстей чужих язык мятежный...
«Евгений Онегин» II, XVIII

«Я влюблен, как безумный... имени ее тебе не называю, потому что письмо может не дойти, но припомни самое очаровательное создание в Петербурге, и ты сразу поймешь, кто это. А всего ужаснее в моем положении, что она тоже меня любит, видеться же нам до сих пор невозможно, ибо ее муж безобразно ревнив...»
(Письмо Ж.Дантеса)

Идалия, как сонная Италия,
Когда в твой мир врывается любовь,
Он пламенем горит, тебе не жаль его?
Но страсть весною будоражит кровь.
Жена она какого-то полковника,
Бесхитростна казалась и легка,
Но высший свет ее потом запомнит он,
И будет месть изыскано сладка.

Идалия, не правда ли – идиллия.
Она готова свету отомстить,
За невниманье, сплетни и бессилие,

Когда влюблен Дантес, то как ей быть?
О, этот ужас – тайное свидание,
Руки коснутся, издали взглянуть.
Здесь подойдет и бедная Наталия.
И Катерина – только б улизнуть...

Везде успеть, бледнея в напряжении,
Мазурку с ним еще потанцевать,
И стать опять для сплетников мишенью.
И бабочкой счастливою порхать.
Пусть свечи полыхают в час ненастия,
Лишь не было б пожара, милый мой,
Опасной связи вечное несчастье,
А к ужину успеть еще домой.

Следит императрица так внимательно,
И шутит Пушкин – вечный Донжуан.
Идалия отметит обязательно,
Что истина, а что сплошной обман.
Открыта и доверчива Наталия,
Глупышка, только в мужа влюблена,
Вот и прекрасно – спасена Идалия,
С Дантесом нынче так она нежна.

Что побледнеет яростная Катенька,
И сотворит такое, боже мой,
И бедный Пушкин слишком поздно схватится,
Не разберет, кто свой, а кто чужой.
Дантес влюблен, он никуда не денется,
Да и она не сможет отпустить.
Все пустяки, он не на ком не женится,
Коль Афродите смог он полюбить.

- Ревнивый муж – мое изобретение,
Он слишком проникателен, мой друг,
Он сам познал чудесные мгновения,
Его жена беременная вдруг...
И только там безоблачна идиллия,
О, этой страсти яростный костер.
Екатерина стонет от бессилия,
Императрица не вступает в спор.

Еще могла вступить, но тревожится,
Так пусть все в пропасть, в пустоту летят,

Дантес в ее объятьях, и не может он
Жить без нее. Чего ж они хотят?
Ночь с Пушкиным, в порыве оправдания
Чего не сделать, только будет день,
Идалия к Дантесу на свидание
Скользит во тьме, как призрачная тень.

-О, как она всегда очаровательна,-
Шипит Екатерина, и молчит
Наталя так покорна и внимательна-
И всех спасет, себя не защитит.
А свет в пылу уже достанет Пушкина,
Не выдержит он яростных интриг.
Спасти жену. И сплетня в свете пущена.
И этот мир разделит на двоих.

Дуэль у Черной речки. К этой пропасти
Его бросает заговор сестер.
И вот тогда определить попробуйте
В кого во тьме стреляет он в упор.
И падает, интригою замученный,
И не пройдя проклятый лабиринт,
Он видит сон – с Идалией разлученный,
Дантес куда-то в пустоту летит.

И обручен навек с Екатериною.
Как счастлива с ним старшая сестра.
Беда ж идет за самую невинною.
- Наташенька, прости. Но мне пора.
Императрица на балу растеряна,
- Как мог так поступить, как он жесток.
А гений и злодейство? Не уверена.
Екатерины бледное лицо

Сквозь эти грезы снова прорывается,
Ей не общаться больше с Натали.
И лишь во тьме победно улыбается.
Идалия, о, пленница любви.
Дантес и Пушкин, три прекрасных женщины,
И каждая по-своему права.
А маскарад, трагедией увенчанный,
Их разбросает. Скорбная вдова

Еще понять пытается отчаянно,

Что это было, почему она
Обречена, раздавлена нечаянно,
В кого теперь сестрица влюблена.
И где-то там, в пространстве грез, в безбрежности,
Дантес и Пушкин продолжают спор,
О родинках Идалии, о нежности,
Дуэль, и снова выстрелы в упор.

А генерал Ланской в ее объятиях,
Еще не знает прелесть Натали,
Вот три сестры – восторги и проклятия,
И высший свет безмолвен до поры.
Когда гусар строчит стихотворение;
«Погиб поэт» и плачет о былом,
Идалия – чудесное мгновение,
В Дантесе растворяется своим.

И что теперь? Париж ей и Италия
Все лучшие, чем бездушная Москва,
Летит от сплетен и от грез Идалия,
Туда, во тьму, плутовка так мила.
Ей все простят, невинным не прощается,
Она же очарует этот мир,
Когда опять к Дантесу возвращается:
- Твой муж, Екатерина, очень мил.

Скажи ему, а впрочем, все безделица,
Не говори, пожалуй, ни о чем,
Идалия – идиллия, не верится.
- Я больше не жалею ни о чем...
Холодный ветер – бесы разгулялися,
Все замело, Михайловское спит,
И у огня в Париже долго мается
Седой старик в мечтаниях своих.

Преданья старины, и страсти прежние
Доносит к нам стогласная молва,
Веселая, прекрасная и нежная,
Идалия беспечная жива...
Дантес и Пушкин – маскарад, страдания,
Кто будет с нею, кто уйдет во тьму.
Браслет бросает в пустоту Идалия,
Лишь пленники любви ее поймут...

«Вы клеветали на Натали, кокетничали с Дантесом и сыграли по отношению к ней дурную роль!»

«Я ни о чем, ни о чем не жалею...» — признается она в письме к Екатерине.

Звездочет на маскараде вечности. Мифомистика

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ПОЭТА В ДЕМОНЕ

Демон был первым поэтом
А.Блок

Пушкой историю страстей и дел моих хранят далекие потомки
М.Ю Лермонтов

31 декабря 1831 года на маскараде в Благородном собрании Лермонтов появился в костюме астролога с огромной Книгой судеб под мышкой
(Хроника жизни поэта)

На маскараде призрачные лица
В разгуле и интриги, и страстей.
Оттуда Звездочет сюда явился
И где-то затерялся среди гостей..
Куда ведут те лабиринты света?
Сам император скроется от глаз
Влюбленной дамы, с дерзостью корнета
Ответит маска – только в боли фраз

Здесь шут царит, и это каждый знает.
А маскарад в разгаре - дивный миг.
О, как победно музыка взлетает –
Таинственный скрипач во тьме возник.
Прекрасный лик за плотную вуалью,
За масками сокрыв от нас черты,
Во мраке грез победно танцевали.
О, звездочет, что им пророчишь ты?

Безмолвствует. И дерзость, и досада
Останется от столкновенья вновь.
Уходит прочь, искать его не надо.
Жестока, Мэри, Демона любовь.
Сам Паганини в этот час с тобою,
И эта страсть раздавит в грозный час,
Страданья нам подарены судьбою.
Пусть маскарад живет в душе у нас.

Мой Демон пролетал опять над лесом,
А после снова слился с темнотой.
Барвара иль Мария? Интересно
Кого коснется черная любовь?
Лишь тень в тиши и никакого слада,
Но если жизнь лишь вечный маскарад?
Волшебной скрипкой упиваться надо.
-Наш маленький Мишель уже женат?

- Да кто тебе сказал? Он как Арбенин
Отравит всех, и сам сойдет с ума,
Опять дерзит и пьет, и лишь забвенье,
Останется сума нам и тюрьма.
- А говорят, столкнулся он с Барантом,
О Пушкине твердит – близка дуэль.
А ведь казался нам таким он франтом.
- Все будет хорошо, ты мне поверь.

- Да как же так, опять у Черной речки,
Сам император запретил, но вот,
Идет туда, никем еще не встречен.
Им Пушкин всем покоя не дает.
- А говорят добра императрица,
Ей снится та, другая, в этот час.
-Готов Мишель за Пушкина сразиться,
Но все арестом кончится, Кавказ.

Металась снова бабушка, Жуковский
Просил, но ярость царская темна
И вот уже по улицам Московским
Метался Демон, и судьба ясна.
Пусть Байрон, словно бес, вдали хохочет,
И пусть Белинский плачет в пустоте.
Он на Кавказ на этот раз не хочет,

Но надо ехать, к бездне, к высоте.

А маскарад в столице будет длиться,
И кто-то вспомнит дерзкие стихи,
Но дух переведет едва столица,
Пока он где-то к гибели летит.
И белый человек в горах растает,
Задирист и отчаян наш герой.
И вот уже там Демон вырастает
За дальнюю туманную горой.

Влечет его Варвара, не Тамара,
И кроткий взгляд любимой так манит,
Но встал Мартынов перед ними яро.
Стреляет, и послание летит
Туда, в столицу, смерть опережая,
Отставку просит и уходит вдаль.
И где-то снова женщина рыдает,
И молча усмехнулся государь.

Он Пушкина опять терпеть не станет.
Там, на Сенатской, в ярости полки,
Тогда их Милорадович оставил,
А Пестель о пощаде не просил.
Тень матушки – она его моложе,
И сгорбленная рядом тень отца.
Но почему он смотрит так тревожно?
Никак понять не может до конца

Что было там греховно, а что свято,
Когда Печорин загонял коня,
И Вера улыбнулась виновато.
Пытался, но не мог его понять...
Пустыня внемлет богу? Нет, поэту.
И где-то там, у роковой черты,
Они стоят, распяты и воспеты,
Гусар сегодня с Пушкиным на «ты»

Звезда с звездой говорит в тумане,
И Демон пролетает в тишине.
- Куда теперь? К Тамаре или Татьяне?
А все равно вина, виной, вине...
О, Пушкин, эта встреча на закате,
Когда уже не грезилось о том,

Как много я сказать хотел, но хватит,
Что нам слова? Поговорим потом...

Я стал для них последнею мишенью,
Не дописав поэму, Демон мой,
Но сходятся во тьме родные тени,
Там погостили и пора домой.
На маскараде женщины и кони,
Метались снова в этот поздний час,
И души задыхались от погони –
Пока не промелькнул вдали Кавказ.

Пусть длится маскарад, пусть снова где-то
Звучат стихи о страсти роковой.
Они перечитают «Смерть поэта»,
Они еще заплачут надо мной...
Уводит в пропасть Дикая охота,
Король Артур иль Один на коне.
Но так тревожно в полночь отчего-то.
Погиб поэт... О, этот сон во сне.

И бабушка иконы убирая,
Не выйдет в свет, останется во тьме.
На маскараде тени замирают,
И Демон так хохочет в вышине.
Он победил, и получая небо,
Теперь на землю смотрит свысока.
Дорога в вечность – был ты или не был,
Но остается дерзкая строка...

И там, в горах, где выше и светлее,
В далеком замке все горит огнем...
И маскарад все яростнее и злее...
Он вырвался, пусть плачет мир о нем.
Три женщины рыдают вечерами..
И до рассвета будет длиться бал.
И снова Нина умирает в драме,
Которую он дерзко написал...

И падший ангел вырываясь в небо,
Уносит и страдания и боль.
Погиб поэт, и камень вместо хлеба,
Ему судьба кидает, и изволь...
Еще писать и жить, закат алеет,

В Тарханах тишь, срывается звезда,
И только тени бродят по аллеям,
Я сон во сне запомню навсегда.

И снова звездочет на Маскараде
Касаясь рук холодных, промелькнет.
- Хотите знать судьбу? Вы мне не рады?
Вы влюблены, и это все пройдет...
- Мишель вернулся!- Больше нет Мишеля,
Кавказский пленник остается там,
Погиб поэт, хотя он в смерть не верил,
Когда она металась по пятам...

Погиб поэт, так лучше, дорогая,
Ведь это бы не жизнь была, а ад,
Не плачьте, только звезды, догорая,
Напомнят мне последний маскарад.
И в вечности ему, я знаю, длиться,
Срывая маски, обнажая суть,
За «Лунною сонатою» стремиться.
- Я не вернусь, прощай, навек забудь...

Вдруг оборвется рукопись, я знаю,
Гусар и Демон в пропасти времен,
На черном небе звезды догорают,
И Смерть поэта не допишет он...

Последний монолог Мастера. Мифомистика 21 века

9 марта 1940 ПОСЛЕДНИЕ СУТКИ

Все спуталось, реальность, бред и сон,
В душе осталась только тьма и боль,
Лишь иногда Елену видит он,
Там бал и Воланд, как последний бой.
Но что еще? Какая спесь и даль
Опять к роману Мастера ведут.
И оставляют в думах лишь печаль.
- Да, я вернусь, когда туда уйду.

Не плачь, Не плачет. Тихая печаль.
Спина прямая, бедная моя.
Я буду жить, пока немая даль
Тебя не унесет за те моря.
Елена, снова рукопись возьми,
Там надо править, да, я знаю как.
Над городом потерянным огни.
И мчится Понтий, и летит Пилат.

Она роняет ручку, хватил ль сил?
Друг Азazelло, дай ей снова крем.
Нет, Абадонна, он опять кружил.
Но вот и март, весна пришла совсем.
К нам снова возвращается она.
И надо жить, всей боли вопреки,
-О, Маргарита, ты не пей вина,
И конь твой в бездну от меня летит.

О чем Елена просит, не пойму,
Не слышу голос и не вижу глаз.
Светило ж солнце, отчего же тьму
Мне дарит Бегемот на этот раз?
Я повернусь к распятию окна,
Перенесусь к подножию холма,
На Патриарших царствует весна,
Жизнь так жестока, если мир-тюрьма.

Живой фигурой в шахматном плену
Я остаюсь, прощай навек, Москва,
Девятый день, и Анна, заглянув,

Такой печальной, неживой ушла.
Елена улыбалась, боже мой,
Мне надо жить, позволь мне, глупый бес.
И небосвод склонился надо мной,
Но на окно кот Бегемот залез.

И в суете, в сиянии стихий
Роман горит. Не может он гореть.
Бездомного безумные стихи
С немой усмешкой повторяет Смерть.
Девятый день, мышинная возня,
Как будто что-то можно изменить.
И смотрит хмурый доктор на меня,
Но что же он Елене говорит?

Девятый день на этом или том
Каком-то свете, поспешим на бал.
О чем ты споришь в суете с котом?
Сам Штраус этот вальс для нас играл.
Божественно, о как же мне легко
Под звуки вальса тот оставить свет,
И кони ржут, и больше нет оков,
Десятое, не может быть, рассвет.

Не обманул Танатос, старый шут,
Я буду жить, я допишу роман,
Врачи все лгут, диагнозы все врут,
Что остается? Горестный обман.
Где рукопись, Елена, ангел мой,
Часы остановились, странный миг,
Прекрасная, холодная, за мной?
И Абадонна в тишине возник.

Часы в минуты нужно разменять,
Остановиться и позвать кота:
- О, старый плут, ты проводи меня.
Куда? К Пилату, манит высота...
Прости меня, Елена, Ангел мой,
Ладья готова, полдень, что за мрак,
Тот берег, свет, и кот идет со мной,
И Абадонна – это верный знак.

Мне трудно говорить, сдавило грудь.
Открой окно, я так хочу дышать.

Прекрасен этот свет, и пусть же пусть
Прости, 16.30 на часах...
Последние мгновенья, Домовой
Устроил вой, о ком же он опять.
Все рухнуло, часов усталый бой...
16.40, все, мой друг, прощай...

